

Содержание

Дневник дружбы	7
----------------------	---

Часть первая. ПАМЯТЬ СЕРДЦА	11
--	-----------

Плач по умершему.....	12
Пастырь детей и деревьев	19
Зачем мы крестим детей?.....	24
Бегство от Спасителя.....	33
Апельсиновые святые	39
Счастливые постов не наблюдают	43
Подушка для святого.....	49
Женщина и власть.....	55
Епископы и левиафаны.....	62
Без права на злословие	71
Молчание Лазаря	84
Выбор Ионы.....	91
Жил человек маленький	98
Любовь к гробам.....	103
Радость и грусть Нового года	110
Служение примирения.....	113
Лестница для Бога.....	115
Слава народов.....	118
Взгляд чужого.....	121
Вестники Примирителя	123
Молчаливый собеседник.....	126
Таинство христосования.....	132

Угроза святости.....	138
Человек в лодке	147
Ангел с мечом	151
Борьба с постом: есть ли выход?.....	156
Великий пост: путь духовных упражнений...	165
Дети в доме Отца	173
Дорожка из крошек	178
Сын вдовы.....	184
Монахи и епископы: как выжить вместе? ...	190
Письма Диотимы	201
Остывшая земля	208

Часть вторая. СВИДЕТЕЛЬ СОФИИ.....215

Памяти богослова и праведника.....	216
Свидетель Софии. Судьба отца Сергия	
Булгакова	225
Улыбка Софии	232
Мировое «и»	239
Долг свободы и служения.....	246
Закатная радость	254
Софиология страдания в творчестве	
отца Сергия Булгакова	259
Евхаристия в жизни и богословии	
прот. Сергия Булгакова	279
Литургия как центр церковной жизни....	287
Пресуществление ли преложение?	293
Евхаристическая жертва	298
Образ Святого Грааля.....	301
Проблема интеркоммуниона	307
Евхаристия и иночество	314

Дневник дружбы

(Вместо предисловия)

Я боюсь перечитывать свои книги, стесняюсь их дарить. Это так странно. Кажется, должно быть наоборот: книги — это твои дети, а детьми нужно гордиться, пробивать им дорогу в жизнь. Но взрослые однажды делают важное открытие: мы необъективны к своим чадам — или переоцениваем, или недооцениваем. В любом случае родительский взгляд всегда требует поддержки и поправки от беспристрастных глаз постороннего, чтобы обуздать природную пристрастность и тревожность.

Книга «Апельсиновые святые» впервые вышла в 2016 году небольшим тиражом. Как и большинство моих книг, это была «незапланированная беременность». Знакомый писатель просто уговорил меня издать сборник текстов, обещаясь и хлопоты, и редактуру взять на себя. И вот родилась книга — словно малыш, которого никогда не было и не должно было быть, а — вот же он!

В отличие от детей, книги скоро покидают отчий дом и живут своей взрослой жизнью, и, может быть, прав Умберто Эко, однажды сказавший, что по-хорошему писателя после написания книги надо тут же убивать, чтобы он не мешал жизни своего творения. Меня вовремя не прибили, и я продолжаю пускать на свет Божий книги — моих прекрасных и неожиданных деток, которыми я восхищаюсь и которых трепещу, потому что каждая книжечка — дневник памяти, хранилище пережитого, летопись трудов и дней.

«Апельсиновые святые» — это сборник текстов, написанных за два года — с 2013 по 2015-й. Кажется, было это совсем недавно, однако спустя почти десять лет оглядываешься назад, будто припоминаешь давно ушедшую эпоху — так поменялась наша жизнь, столько событий вошло в нее, так нечеловечески плотно сгустилось время.

Однако, перечитывая сейчас «Апельсиновых святых», я не испытываю ностальгии по тем относительно спокойным временам, а прежде всего, вспоминаю друзей, потому что за каждым из этих текстов стоит история дружеского спора, товарищеского недоумения, но в большинстве своем это были попытки утешить и поддержать близких мне людей. Ведь я пишу только для друзей, а это конкретные люди со своей неповторимой судьбой, неповторимым ликом.

Листаю страницы и вспоминаю: это я написал, чтобы поддержать знакомую, у которой внезапно умер муж, вот это — плод нелегких размышлений и молитв над трагедией моего друга, здесь — очень эмоциональная попытка вывести товарища из депрессии. И вот проходит десяток лет, и ты понимаешь, что эта книга — дневник дружбы, память о друзьях, из которых кто-то уже покинул этот мир, кто-то покинул меня, а кто-то стал еще ближе и дороже.

Увы, наш круг час от часу редееет;
Кто в гробе спит, кто, дальний, сиротеет;
Судьба глядит: мы вянем; дни бегут...

И я смотрю теперь на свою повзрослевшую книжечку с большой благодарностью — как на памятник дружбе, ведь мне Господь подарил таких прекрасных друзей, и с каждым годом этот дружеский круг не оскудевает, а прирастает новыми лицами, потому что, как любил повторять отец Сергей Булгаков, «Церковь — это дружба», а значит, церковный человек — это человек дружелюбный, а книга о Церкви всегда — книга о дружбе.

А потому, готовя «Апельсиновых святых» к новому изданию, первую часть книги я решил назвать «Память сердца», а вторую, посвященную дорогому отцу Сергию Булгакову, — «Свидетель Софии», потому что верю, что и на небе

есть у меня друг и молитвенник — великий богослов и праведник.

В новом издании я решил каждый текст снабдить его «датой рождения» — это важно для меня и, возможно, будет полезно читателю, которому прочитанное станет более понятным, помещенное в свой временной контекст.

К булгаковской части книги я решил добавить важный для меня текст о софиологии страдания, в связи с чем пришлось поменять местами некоторые тексты, но это, кажется, пошло книге на пользу.

Если же искать пользы для читателя — моего заочного друга, — то я был бы счастлив, если бы мне хотя бы немного удалось подарить вам то, ради чего я все еще продолжаю писать и говорить, — утешение и ободрение к жизни.

Часть первая

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Плач по умершему

Старые люди не боялись боли. Они ее не искали, но, уж если надо было что-то испытать, вынести, пережить, шли спокойно, с достоинством. Не прятались. И перед смертью не робели. Говорили о ней без страха.

— Вы меня глубоко не закапывайте. Как Господь позовет, чтоб я с могилы встала, отряхнулась и на Суд пошла.

Так одна старушка говорила. Из глухой белорусской деревни. А моя бабушка повторяла гомельское присловье:

— Помирать — день терять.

А чего смерти бояться? Все умрем. Столько хороших людей уже умерло, что и нам не грех в могилу лечь.

Комфорт и безопасность изменили нас. Порог боли и чувствительности современного человека сильно отличает нас от наших даже ближайших предков, и в этом нет ничего плохого, я и сам каждое утро восхищаюсь чудом горячей воды и благодарю Бога за свет и тепло. Но мы

другие. Защитив себя и обезопасив жизни свои, кое в чем мы сделались более уязвимыми, а порой и беззащитными. Факт смертности — нашей и наших близких — мы теперь переносим куда тяжелее и болезненней, нежели наши прадеды.

В старину человека с детства приучали к мысли, что ему придется похоронить родителей. И молодые люди знали, что доведется не просто переживать утрату родителей, но именно похоронить, и сделать это красиво и правильно. А еще было чудесное слово «досмотреть», и достоинство детей оценивалось по тому, как они утешают своих умирающих близких, как успокаивают их угасающую старость. Подумайте: с детства к этому готовили. Не боялись детей испугать или шокировать.

Как готовили? Говорили о смерти спокойно, как о чем-то естественном, не смягчая ее трагичности, не ввали себе и детям, не прятались от нее. Старики собирали себе на смерть, готовили рубахи и платки — в чем в гроб положат, не боялись часто причащаться, не пугались писать завещаний и плакали, конечно же плакали — как же без этого? Кому же охота помирать? Столько дел! Столько работы! Но плач этот был *правильным*, он разрешался в особый ритуал, обряд — горе избывалось, обряжаясь в погребальные обычаи и традиции.

И не только к смерти родителей готовили от юности. Муж и жена — скорее всего, кто-то пойдет к Богу раньше, и уже во время венчания

люди учились разлуке. Не ведая того, наши предки приучали своих детей к одному из самых изящных духовных упражнений.

Покойный Сенека, наставник умирания, советовал своим ученикам: «Нам надо постоянно думать о том, что смертны и мы, и любимые нами» (Письма 63, 15). Думать — постоянно. Пребывать в памяти смертной. Не давать суете и малодушию спрятать от нас трагичности мира. Но Сенека говорит не просто о памяти смертной вообще, об отстраненном созерцании космического закона. Это созерцание конкретно. Философ призывал к перемене самого фокуса «смертельного созерцания».

Верующих часто, иногда — справедливо, укоряют в эгоизме. В созерцании *своей* финальности действительно есть нечто эгоцентричное. Но в том, что умру я, нет еще большой трагедии. Порой смерти ждешь, как избавления, отрады. Но — умрут любимые мною люди. Вот это по-настоящему ужасно. Мир полон боли, несчастий, болезней, но быть живым — это так хорошо!

Когда Софокл устами одного из своих персонажей говорит:

высший дар — нерожденным быть

(Эдип в Колоне, 1225),

слушателя и читателя пронизывает космический холод, мурашки бегут по коже, одолевает и парализует благородная метафизическая тоска — до

чего эпично, глубоко, красиво! И, лишь истрезвившись от этой античной стужи, начинаешь понимать ложь этих слов.

Да, ко мне, непомерно эстетствующему эгоисту, эта фраза подойдет, но разве я бы хотел, чтобы никогда на свет не появился мой ясноглазый племянник или веселые братики, моя мама, мои добрые и терпеливые друзья, разве было бы хорошо, если бы *они* никогда не родились?

Да, мир полон боли, горя, потерь, но эти люди — украшение человечества, вместе с ними даже в этот больной мир вошли и смысл, и радость, и сквозь горе мы все же радуемся, что кто-то славный побывал на этом свете пусть даже совсем чуть-чуть.

Но как же больно от мысли, что однажды им всем придется умереть!

«Человек начинается с плача по умершему». Так говорил покойный Мераб Мамардашвили. Не с плача по себе, умершему или умирающему, начинается человек, а с принятия и *избытия* смерти своих любимых. Этому плачу в хороших семьях приобщали с детства — чтобы человек в ребенке проснулся как можно раньше, чтобы через мужественное принятие смертности своей и своих любимых с первых дней своей жизни научиться принимать, благословлять этот мир и — сопротивляться ему. Все наши близкие и друзья, любимые и хорошие, — это люди, которых мы однажды потеряем. А еще — это люди, которые потеряют нас.

Однако «плач по умершему» — это не просто красивый образ или стерильное духовное упражнение. У нас есть религия. Она учит нас правильному плачу по умершему, целительному плачу.

Когда я только начинал служить священником, меня всегда смущали наши белорусские похороны: «профессиональные» плакальщицы, сложнейшие и разнообразнейшие ритуалы, особый панихидный распев, завывательная манера исполнять песнопения и потребность на грани одержимости «адправить пакойника» (помолиться за покойного), «як след» (как положено). Потом я понял, как же важен этот вой, эти эпические слезы, «лишние» обряды. Это — Белоруссия. Здесь было так много горя. В Великую Отечественную белорусы потеряли каждого четвертого, и, может быть, перенести нам все эти беды и помогла способность хоронить, «как положено».

Не надо льстить себе: мы всего лишь люди — сколько бы вы ни знали языков, какую бы изысканную литературу ни читали, горе и боль, слезы и утраты у нас у всех — человеческие. И эту боль надо уметь выплакать, провить, прокричать.

Смерть — всегда не вовремя. Смерть застает нас врасплох. И нам нужно не только умом, но и самой кожей избыть это горе. Даже последние материалисты это если не понимали, то чувствовали, изобретая гражданские панихиды и пресные минуты молчания.

А в храме — дым кадила, чтение бесконечных поминальных записок, столы с приношениями и запечатанная земля, и как запоют «Со святыми упокой», подхватит вся церковь этот скорбно-торжественный мотив, а потом разрешится в мужественный и трагичный мажор ико-са восьмого гласа — «Сам Един еси Бессмертный, сотворивый и создавый человека».

Выкрикаться нам надо, пропеть, простонать сквозь слезы и благодарную грусть. И интеллигентнейшая из русских женщин в минуту боли и утраты могла написать:

*Буду я, как стрелецкие женки,
Под кремлевскими башнями выть.*

Современного человека, и прежде всего ребенка, подростка, со всех сторон ограждают от смерти, от самого факта и упоминания. Но ведь однажды ему предстоит проводить своих родителей в последний путь, и сделать он это должен «как следует».

Религия есть некая культурная оформленность предельного человеческого опыта. Она дает не просто некий эмоциональный антидот, противоядие от чрезмерного потрясения, сознания необратимости, но само исполнение ритуала избывает скорбь, потому что кричим мы, плачемся Богу Человеколюбцу, Утешителю сирот и смертников. И Он не дает нам ответов, как

и пытливого Иова, Он не уговорил, а только утешил. Как — не знаем ни мы, ни Иов.

Дети, выросшие в семьях без подлинной религиозной традиции, более уязвимы, они беззащитны перед смертью, их не приучают с детства *правильно* переживать и осмысливать смерть и близких, и свою собственную. Наши панихиды, родительские субботы, грозные обряды, кутья, записочки и сорокоусты могут показаться ненужным усложнением, недостойным благородной евангельской истины. Но стоит ли от этого отказываться перед лицом всех наших утрат, бывших и — непременно — будущих?

А потому, смертнички мои, положу я в кадило побольше ладану и затяну длинную и громкую белорусскую панихиду, чтобы и живые и мертвые услышали и утешились скорой грядущей встречей.

Июнь 2014